

«Таким образом,— сообщало в январе 1882 г. своим читателям „Новое время“,— теперь русская ученая экспедиция в Болгарию, так сказать, накануне того, чтобы стать совершившимся фактом. Несколько веков турецкое иго покрывало густою завесой южных славян, скрывая их из вида и делая их недоступными для исследования науки,— до них не доходили ни человеколюбивые сочувствия, ни историческое знание»⁴⁷.

Председатель комиссии Л. Н. Майков более недоверчиво смотрел на будущее экспедиции; он вынужден был признать в письме к А. Н. Пыпину от 10 января 1882 г.: «Русских денег все-таки еще нет, и недоумеваю, можно ли начать дело без них. Вот задача, которую предстоит решить нашему совету»⁴⁸.

По всей видимости, деньги из Болгарии не поступили, а ухудшение отношений правительства Александра III с правительством Александра Баттенберга⁴⁹ решило исход дела об экспедиции на Балканы.

Вопрос об организации экспедиции на Балканы вновь был поднят в самом начале 1885 г., когда в первом номере «Известий Петербургского славянского благотворительного общества» появился призыв провести экспедицию, приурочив ее к 1000-летию юбилею Мефодия⁵⁰.

1885 г. выявил противоречия между Россией и Болгарией, Сербо-болгарская война и вслед за тем перевороты 1886 г., отказ князя Александра от престола, приход к власти С. Стамболова и ориентация его правительства на союз с Австро-Венгрией и Германией привели к тому, что экспедиция была отложена, а затем и забыта. В то же время широкое обсуждение «Записки» А. Н. Пыпина в России и за ее рубежами, составление программы экспедиции, большая организационная работа по проведению в жизнь идей, в ней заключенных, ориентация на совместные исследования русских и иностранных славистов, главным образом болгарских ученых, не пропали даром. Предложение, внесенное А. Н. Пыпиным в 1876 г., события, с ним связанные (середина 70-х — середина 80-х гг.), дали новый толчок к развитию международного научного обмена, углублению связей между славистами многих стран в таких областях славистики, как история, филология, этнография, фольклористика, археология, палеография, музейное и библиотечное дело, география.

⁴⁷ Новое время, 1882, 8/20 января.

⁴⁸ ИРЛИ, ф. 250, оп. 3, ед. хр. 151, л. 27.

⁴⁹ Об этом см.: История Болгарии. М., 1954, т. 1, с. 353—362.

⁵⁰ Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества, 1885, № 1, с. 10—14 (Перепечатка сообщения об экспедиции с небольшими сокращениями из ЖМНП, 1880, авг.).

Э. А. Рикман

**ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАБОТ
БУХАРЕСТСКОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ
МЕЖДУ ПЕРВОЙ И ВТОРОЙ МИРОВЫМИ ВОЙНАМИ**

Бухарестская социологическая школа (или как ее нередко называют Школа Густы) создана Димитрие Густы (1880—1955 гг.), крупным ученым, организатором науки и общественным деятелем, основателем и руководителем Кафедры и семинара социологии, этики и политики Философско-литературного факультета Университета Бухареста (с 1920 г.), Румынского социального института (1921—1948 гг.), Музея румынского села (с 1936 г.). Густы внес крупный вклад в мировую науку, и столетие со дня его рождения отмечалось по решению ЮНЕСКО. В буржуазной Румынии Густы проявил себя как ученый-демократ, сторонник социального прогресса. Однако он оставался буржуазным ре-

форматором, мечтавшим устранить пороки современного ему строя посредством деятельности социологов. Густы тщетно надеялся, что результатами социологических изысканий, рекомендациями ученых воспользуются законодательные и административные органы буржуазной Румынии¹.

Школа Густы формировалась под влиянием социологии Германии, Франции, США, а также России. Но она, несомненно, имела свое лицо. В выработке ее теоретических и методологических принципов участвовали сам Д. Густы, К. Брэилоу, В. Бутурэ, С. и А. Голопенция, И. Келчя, К. С. Коста-Фору, А. А. Стал, Т. Херсени и др. Социологическая система Школы Густы опирается на идеалистические и метафизические представления о том, что строение общества определяется волей «группировок людей» или даже отдельных индивидов². В то же время методика ее исследований носила прогрессивный характер. Основным методическим принципом было «проследивать социальные феномены как целое, во взаимозависимости и функциональной совокупности»³. Поэтому по поводу Д. Густы также писал в предисловии к одному из изданий Школы: «Каждую деталь связывали с ансамблем..., чтобы определить в комплексном исследовании место, которого... она заслуживает не только сама по себе, но прежде всего как элемент социальной системы»⁴. Из этого основного принципа вытекала концепция соподчиненности теории, методов и техники исследования.

Густы обосновал коллективный характер исследования, ибо, как он писал, «объективностью, как и способностью к более глубокому контролю, обладают скорее группы, чем отдельные ученые». Исследование, с его точки зрения, должно иметь междисциплинарный характер, опираться на эмпирические методы разных наук. Важное значение придавалось тому, чтобы определить границы применения той или иной научной дисциплины и выявить органические взаимосвязи между науками, а также объектами их исследования⁵.

Теоретические и методические принципы Бухарестской социологической школы были закреплены в учебниках для лицеев и высших учебных заведений, руководствах и инструкциях. В частности, были составлены руководства для исследования духовной культуры (И. И. Ионикэ), фольклора (И. Казан) и религии (О. Иосиф)⁶.

В литературе о деятельности Бухарестской социологической школы анализировались и этнографические аспекты ее работы. Так, Н. Дунэре выявил значение исследований в области традиционного земледелия, скотоводства, календарных и семейных обычаев и обрядов, изобразительного, литературного, музыкального и хореографического фольклора⁷. Г. Фокша показал роль этой Школы в создании Музея села в Бухаресте⁸.

Мы обратимся непосредственно к трудам членов Бухарестской школы, в которых затрагивается этнографическая проблематика. Результаты исследований (материалы и теоретические разработки) коллективов ученых или отдельных авторов публиковались в книгах и серийных

¹ Bădină O., Neamțu O. Dimitrie Gusti. București, 1968; *Gusti D. Opere*. V. 1. București, 1968, p. 20—39.

² Староверов В. И. Бухарестская монографическая школа и социологическая система Димитрие Густы.— *Соц. исследования*, 1981, № 1, с. 196—198, 201; *Larionescu M. Fundamentarea teoretică a cercetării sociologice în perioada interbelică*.— *Viitorul social*. București, 1979, anul VIII, № 4, p. 750—756.

³ *Gusti D. Sociologia militans*. V. 2. București, p. 20, 21.

⁴ Nerej. Un village d'une région archaïque/Monographie sociologique dirigée par H. H. Stahl. I. V. I — Les cadres cosmologique, biologique, historique et psychique, p. X; v. II — Les manifestations spirituelles; v. III — Les manifestations économiques, juridiques et administratives, unités, procès et tendances sociales. Bucarest, 1939.

⁵ *Gusti D. Îndrumări pentru monografiile de sociologie*. București, 1946, p. 12; *Староверов В. И.* Указ. паб., с. 203, 204.

⁶ Dunăre N. Cercetarea culturii populare în cadrul școlii sociologice monografice.— *Revista de etnografie și folclor*, București, 1980, t. 25, № 2, p. 148.

⁷ *Ibid.*, p. 150.

⁸ Focșă Gh. Școala sociologică de la București și muzeul satului.— *Viitorul social*, 1980, anul IX, № 2, p. 227—239.

изданиях Румынского социального института: «Biblioteca de sociologie etica și politica condusă de D. Gusti. Sociologie României», «Archiva pentru știința și reforma socială» (1919—1944), «Sociologie românească» (1936—1944), «Affaires Danubiennes» (1938—1944), «Atlas Sociological României», и т. д. Перечисленные издания содержат работы по этнографии, не потерявшие своего значения до наших дней. На страницах журнала «Румынская социология» со статьями по этнографической тематике систематически выступали виднейшие деятели Бухарестской социологической школы: сам Д. Густы, И. Коня, А. А. Стал, Т. Херсени и др.⁹ В журнале издавались полевые материалы по материальной и духовной культуре румын и печатались статьи теоретического характера.

Упомянутые ученые пытались обосновать отличия социологии от этнологии и этнографии, а также от социальной и культурной антропологии. Этнология и этнография в свою очередь разграничивались. По мнению Д. Густы и его последователей Т. Херсени и Г. Вилсана, занимавшихся классификацией общественных наук, этнология и этнография, в отличие от социологии, относятся к типу «статичных» социальных дисциплин. Этнография и фольклористика, уделяющие особое внимание традициям и пережиткам, принадлежат к подтипу дескриптивных наук¹⁰. Этнологию, предмет которой составляют этнические феномены, Д. Густы относит к подтипу экспликативных, компаративных наук¹¹. По мнению Д. Густы, этнография лишь упрощенно описывает полевой материал, констатирует факты, а этнология, кроме того, делает обобщения, хотя в отличие от социологии эти обобщения носят поверхностный характер. Таким образом, этнография, по Д. Густы, — описательная область этнологии. Подобные представления распространены среди ученых и в других странах Европы¹². Следует отметить, что румынские социологи считали необходимой дополнительную обработку фактических данных, собранных представителями этнологии и этнографии¹³. Утверждалось также, что и ответвления этнологии: этнопсихология, этноботаника, этнопедагогика, по сравнению с социологией, обладают ограниченными возможностями для познания жизни.

Бухарестская социологическая школа изучала преимущественно румынское село, крестьянство, которому ученые уделяли мало внимания до 20-х годов XX в. Великая Октябрьская социалистическая революция в России привлекла внимание румынской общественности и исследователей к важнейшей социальной роли крестьянства, а с 1922 г. — года начала проведения в Румынии аграрной реформы — крестьянская тематика в научных изысканиях стала центральной. К этой практически актуальной и теоретически значимой теме обратились и Бухарестская социологическая школа¹⁴.

Румынские социологи придавали большое значение правильному выбору объектов для изучения, предпочитая старинные села с архаическими чертами традиционной культуры, расположенные в «этническом, военном и геополитическом» центре бывшей Дакии, где формировались предки румын, активно протекала романизация¹⁵. Такие села интересуют и этнографов. В 20—30-х годах Бухарестская социологическая школа обратилась к изучению горожан, в особенности рабочих.

⁹ Sociologie românească. — Revista secției sociologice al Institutului social român. 1936, anul I, № 1, 4, 5, 7—9; 1937, anul II, № 1—12.

¹⁰ Nerej. Un village d'une région archaïque. V. 1, p. XIII.

¹¹ Herseni T. Teoria monografiei sociologice. — In: Institutul social român. Biblioteca de sociologie, etică și politică condusă de D. Gusti. Seria A. Studii și contribuții. București, 1934, p. 19, 20, 85, 90, 147, 148.

¹² Об этом см.: Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973, с. 178—203.

¹³ Herseni T. Op. cit.; см. вводную статью Д. Густы к этому труду, с. 20.

¹⁴ Herseni T. Op. cit., p. 147; Якош И. Крестьянство — фундаментальная сила в истории страны. — Румынские горизонты, 1979, № 8(128), с. 36, 37.

¹⁵ Clopotiva, un sat din Hațeg. Monografie sociologică întocmită de echipa regală studențească 1935 sub conducerea lui I. Conea. — Sociologia României. 3. V. I. — Cadrele; v. II. — Manifestări. București, 1940, p. 535, 536.

Главным методом исследования крестьянства, применявшимся Бухарестской социологической школой, был монографический, т. е. проводилось всестороннее изучение села как взаимосвязанного интегрированного целого; отсюда еще одно название этой школы — Монографическая. В таком подходе проявилось стремление к системному изучению объектов, получившему широкое распространение в современной этнографии¹⁶.

Ранее монографический метод применялся в ряде стран, например в Югославии¹⁷, но наиболее последовательно, широко, планомерно и систематично его использовала Бухарестская социологическая школа, развив это направление социологии, выпустив на основе его применения десятки книг. Бухарестский монографический метод получил международное признание, особенно в западноевропейских странах¹⁸. Об этом, в частности, свидетельствует участие в работах такого плана ученых из Венгрии, Франции, Германии, США и др.¹⁹ Нельзя забывать также, что в 20-е годы сельская социология в Советском Союзе, ставившая перед собой практические цели, широко использовала монографический метод²⁰.

С 1925 г. полевые материалы для монографий в Румынии собирали комплексные бригады специалистов различных отраслей общественных и естественных наук: социологи, историки, географы, биологи, экономисты, психологи, фотографы, кинооператоры и, наконец, этнографы, фольклористы и антропогеографы. Д. Густу придавал большое значение работе именно последних в «монографических бригадах», указывая на важное значение экологии и обоснованно констатируя сходные черты подхода румынской социологии и антропогеографии к изучению человека. «Антропогеография много выигрывает от сотрудничества с социологией,— писал Д. Густу.— Антропогеография постигает культурную реакцию человека в его борьбе с природой. Эта реакция — комплексное усилие, одновременно духовное, экономическое, юридическое, политическое. Оно определяется прошлым и современной психологией, расой и популяцией»²¹.

В бригадах участвовали сотрудники как Бухарестской школы, так и региональных социологических институтов (например, Баната), преподаватели и студенты университетов. «Монографические бригады» подразделялись на группы по специальностям и проблемам. Некоторые группы преследовали только этнографические цели: изучение народных обычаев и ритуалов, изобразительного искусства, литературного, музыкального и хореографического фольклора. Бригады активно участвовали в жизни изучавшихся сел и, используя результаты анализа анкетных данных, принимали конкретные меры (по словам Густу, «социальное действие») для улучшения положения крестьянства.

Одним из основных способов сбора материала для монографий были разнообразные анкеты. Включенные в них вопросы охватывали факторы, формирующие социальную жизнь сел: географический, биологический, экономический, духовный, юридический, политический и т. д., причем эти факторы неправомерно считались более или менее равноценными, существующими независимо друг от друга, но взаимодействующими. В системе Густу экономика не имеет определяющего значения. Использовались также специальные этнологические, антропологические, фольклорные и другие анкеты и вопросники, формуляры и карты для опроса компетентных лиц-экспертов и сбора мнений об определенном социальном факте, для подсчета статистических частот и террито-

¹⁶ Пименов В. В. Удмурты. М.: Наука, 1977.

¹⁷ Губогло М. Н. Путь социологии села в Югославии.— В кн.: Социологическое изучение села: культура, быт, расселение. В. 2. М.: Ком-т по соц. проблемам села, 1968, с. 91.

¹⁸ Староверов Г. И. Указ. раб., с. 196.

¹⁹ Fosça Gh. Op. cit., p. 227.

²⁰ Арутюнян Ю. В., Дробизева Л. М. Сельская социология и историография советской деревни. М., 1969, с. 1.

²¹ Nerej. Un village d'une region archaïque. V. I, p. XII, XIII.

риального распределения фактов и явлений (для установления циркуляции явлений и выявления механизмов их распространения). Густы добивался взаимодействия количественных и качественных методов исследования, причем данные, собранные с помощью вопросников, заполненных неспециалистами, он считал недостоверными, так как материал такого рода не отражает социальной реальности. Характерно, что полевая работа проводилась бригадами обычно после изучения того или иного социального «феномена» по архивным и литературным данным.

Сборщики материала использовали следующие формуляры: по «очагу» (застроенной части) села, демографии, эволюции собственности, пище, уровню культуры, семье. По просьбе исследователей информаторы составляли генеалогии семей, а их члены писали автобиографии.

Некоторые села обследовались повторно с целью выявления произошедших в них экономических, социальных и культурных изменений (с. Дрэгуш-Фэгэраш в Олтении — в 1929 г., а затем в 1932—1933 гг., с. Нереж во Вранче — в 1927 г., а затем в 1934 и 1938 гг.).

От изучения отдельного села Бухарестская социологическая школа переходила к исследованию населения зоны вокруг него. Так, после обследования сел Дрэгуш-Фэгэраш и Нереж ученые обратились ко всей Олтении, всей Вранче, а также к сравнительному анализу сел в разных областях Румынии. По единому плану обследовались типичные для различных географических областей села, чтобы широко отразить жизнь крестьянства как части румынской нации.

«Социальные объединения» (село, город, нация и т. д.) сравнивались с другими социальными феноменами, а материал, собранный с помощью социологических анкет, — с данными, полученными другими методами. Типы социальных феноменов выделялись и картографировались. С 1925 до 1948 г. с применением описанной методики было обследовано более 600 сел в Молдове, Валахии и Трансильвании.

Методические приемы Бухарестской школы: привлечение к исследованиям представителей разных специальностей, широкое применение разнообразных анкет в сочетании с непосредственным наблюдением, проверка полученных результатов различными способами, изучение развития явлений во времени и на широкой территории, попытки типологизации и картографирование, получение массового материала и статистическая его обработка — заслужили признание современных румынских этнографов.

Исследователи Бухарестской школы, так же как и этнографы наших дней, придавали важное значение программам (планам) будущих монографических работ, которые систематически публиковались. В плане первой такой монографии, посвященной с. Нереж, уже широко представлены этнографические мотивы. Сравнивая этот план с опубликованным позднее планом книги о с. Дрэгуш-Фэгэраш²², можно констатировать, что число этнографических сюжетов со временем увеличилось, как возросла и глубина их разработки. Рассмотрим часть А — «Среда». С этнографическими темами мы сталкиваемся уже в I разделе этой книги. Намечались рассмотрение взаимоотношений «природы и культуры» (тема, особенно актуальная для ученых сегодняшнего дня²³), планировки сел, жилища, демографической структуры и динамики населения, родственных отношений и семьи, традиционной социальной структуры. Этнографичны параграфы «структура коллективного мышления», «конформизм и инновации».

В части В этнографические сюжеты содержит раздел V. Это и вопросы, касающиеся религии, этики, ритуалов, в том числе семейных, концепций относительно сущности мироздания, календарных праздников, способов врачевания. В этом разделе предполагалось также изучение интерьера, костюма, ткани, народного художественного творчества.

²² Drăguș, un sat din Țara Oltului (Făgăraș). Institutul de științe sociale/Herseni T. București, 1944.

²³ Бромлей Ю. В., Бромлей Н. Я. Культура и природа. — Вестн. АН СССР, 1980, № 10, с. 84—91.

В разделе VI внимание этнографа привлекут вопросы, касающиеся сельских ремесел и промыслов, в частности домашних. В раздел VII включен вопрос о традиционном праве.

Проблематика части С почти целиком связана с этнографией. Таковы параграфы раздела IX: семья, домохозяйство, соседство, группировка и игры детей, а также молодежи, объединения девушек и женщин, обычаи как социальные институты, село как социальное объединение. В раздел X также включены проблемы связей между членами семьи, между семьей и посаженными родителями, связи сел с соседним городом, обитателей Дрэгуша-Фэгэраша с покинувшими его жителями. И наконец, в разделе X планируется исследовать эмиграцию и иммиграцию, урбанизацию, трансформацию социальной структуры в пределах села.

Приведенный выше план монографии, посвященной селу, показывает, что авторы учитывали действие на социальные общности, по терминологии румынских социологов, во-первых, «натуральных» — «космических», «биологических» — факторов и, во-вторых, социальных — «исторических» и «психологических». Постоянно действующие факторы обеих категорий, по мысли ученых, образуют экономические, духовные, политические и юридические институты.

Рассмотренный выше план, как я пытался показать, пронизан этнографической проблематикой. В других планах, например книг о селах Копанке²⁴ и Нишканах²⁵, этнографических сюжетов меньше.

План монографии о семье составлен членом Бухарестского социологического семинара К. С. Коста-Фору, которая в 1927—1931 гг. участвовала в создании монографий о селах Нереж, Фундул Молдовой, Дрэгуш-Фэгэраш, Рунку (Горж, 1930 г.), Корнова и т. д. В рамках монографического изучения этих сел К. С. Коста-Фору изучала сельскую семью. В «Плане социологического изучения жизни семьи», приложенном к монографии (с. 297—323)²⁶, семья рассматривается как результат взаимодействия обуславливающих ее формирование факторов: физико-географических (земельные угодья, усадьба и жилище), биологических (пища), исторических традиций, религиозных, законодательных (юридические нормы, регулирующие отношения между членами семьи, владение имуществом и его наследование; обычное право), эстетических, материальной и духовной культуры. Воздействующие на семью экономические факторы, по мнению Коста-Фору, равноценны остальным. Большое внимание в «Плане» уделено анализу бюджета сельской семьи. Важное значение автор придавал изучению родственных отношений и связей в селах. Типы семьи планировалось выявить статистически, а некоторые семьи, относящиеся к репрезентативным типам, были избраны для более глубокого изучения. Предполагалось исследовать поколенный состав семьи, боковые родственные связи. Родственные отношения изображались графически. Автор предусматривал анализ и следующих вопросов: вступление в брак, классификация типов брака и брачных церемониалов; основание новыми семьями хозяйств; усыновление и т. д. В план включалось изучение внутрисемейных отношений: между супругами, между предками и потомками, например, родителями и женатыми детьми, между дедами (бабушками) и внуками, между семьей и боковыми родственниками, между семьей и посторонними, между семьей и отдельными ее членами. К. С. Коста-Фору придавала большое значение исследованию групповых интересов семьи, отношениям между семьей и общественными институтами.

Как видим, и в изложенную выше программу монографии входят этнографические сюжеты. Диапазон тем, освещенных в книгах Бухарестской социологической школы, весьма обширен. Это и планировка,

²⁴ Buletinul Institutului social român din Basarabia. T. 1. Chişinău, 1937.

²⁵ Buletinul Institutului de cercetări sociale al României. T. II. Regionale Chişinău, 1938.

²⁶ Costa-Foru X. C. Cercetarea monografică a familiei. Contribuție metodologică. Bucureşti, 1945.

форма сел как разновидностей поселений, различные схемы группировки в них усадеб (трехтомная монография о с. Нереж, «Румынская социология», монография Л. Аползан). В эти исследования особенно значительный вклад внесли антропогеографы, внимание которых было обращено на «усилия организовать окружающую среду благоприятно для возможностей жизни»²⁷. Большое внимание типологии поселений было уделено в четырехтомнике «60 румынских сел, исследованных студенческими бригадами летом 1938 г.». Здесь рассмотрены типы сел равнинных — земледельческих и горных — скотоводческих, типы сел виноградарей и садоводов, села, где жили главным образом торговцы фруктами, производители воины и шерсти, огородники и ткачи, бродячие ремесленники, люди, работавшие в лесоперерабатывающей промышленности и в других видах индустрии²⁸.

Таким образом, в качестве критериев типологизации сел использованы топографические (расположение на горах, холмах, равнинах), исторические («старые» и «новые») демографические признаки. Для функциональной типологизации сел применялись широкие хозяйственно-экологические критерии и узкие, связанные с производственной специализацией²⁹.

Изучались также проблемы, касающиеся народного жилища, народная архитектура — техника возведения, конструкция и типы построек, интерьеры («Нереж», «Клопотива», книга Л. Аползан, «Румынская социология» и т. д.). Печатались также исследования о Музее села, где широко представлены румынские усадьба и жилище («Румынская социология»).

Немалое внимание уделялось экономике села — системе земледелия, мукомольному и сукновальному делу, животноводству, рыболовству, лесным промыслам, кузнечному ремеслу, торговле, крестьянскому бюджету, пищевому рациону, ткачеству («Нереж», «Клопотива», «Румынская социология»). Пример плодотворной работы этнографа в рамках Бухарестской социологической школы — исследование Л. Аползан, посвященное домашним текстильным промыслам и одежде в 43 охваченных автором селах в Западных Горах³⁰. В связи с рассмотренными сюжетами затронуты вопросы о границах региона, поселениях и усадьбах, демографическая структура населения, его занятия и т. д. Л. Аползан полагала, что традиционная одежда имеет этнически специфические художественные особенности и влияет на ряд «социальных ансамблей» — общественное мнение, моду, социальный престиж. В книге выявлена взаимосвязь между падением роли домашнего текстильного промысла и исчезновением традиционной одежды.

Значительное внимание Школа Густы уделяла происхождению, структуре, функционированию сельской общины: действовавшим в ней юридическим и этическим нормам, системе управления, общей социальной организации целой группы сел во Вранче («Нереж»).

Большая полевая работа проводилась по обследованию семьи: внутрисемейных отношений, семейных генеалогий, истории отдельных семей (имущественное положение, труд, потребление и расходы, отношения и связи и т. д.), семейной (свадебная, родильная, погребальная) обрядности, церемоний и обычаев. Эти проблемы затрагивались в монографиях «Нереж», «Клопотива», «Румынская социология». К. С. Коста-Фору обобщила результаты полевых исследований в книге «Монографическое изучение семьи. Методологический аспект», сохранившей научное значение в наши дни. Исследовательница осветила место семьи, родствен-

²⁷ Nerej. Un village d'une région archaïque. V. I, p. 91.

²⁸ 60 sate românești cercetate de echipele studențești în vara 1938. *Sociologia României*, 4. Ancheta sociologică condusă de A. Golopenția și Dr. D. C. Georgescu. I — Populația. București, 1941; II — Situația economică. București, 1941; IV — Contribuție tipologia satelor românești. Sate agricole. Sate pastorale. București, 1943; V — Contribuție la tipologia satelor românești, București, 1942.

²⁹ Nerej. Un village d'une région archaïque. V. I, p. XI.

³⁰ Apolzan L. Portul și industria casnică textilă în Munții apuseni. — *Sociologia României*. București, 1944, № 5, p. 217, 220.

Бухаресте. Этот музей, существующий и в наши дни, отражает крестьянскую архитектуру, искусство, производство, быт, одежду различных исторически сложившихся областей Румынии. Музей создан социологами в соответствии с принципами этнографического музееведения. В домах на территории музея когда-то жили крестьяне — представители различных историко-культурных зон Румынии, демонстрируя, в частности, национальный костюм.

Перед Музеем села ставились первоначально социологические задачи. Густы называл его «социальным», а не «этнографическим». Так, каталог музея предполагалось использовать как основу для изучения «социологии сельской цивилизации», т. е. «социальных обстоятельств и условий рождения и функционирования каждого объекта в отдельности со всеми техническими, магическими и религиозными применениями, которым он подчинен или служит»³⁶. Целесообразность такого научного подхода Бухарестской социологической школы к изучению этнографического материала не подлежит сомнению.

Ценность наследия Школы Густы для этнографии состоит прежде всего в собранном в течение десятилетий и опубликованном огромном массиве достоверного материала, который служил³⁷ и будет неоднократно использоваться для характеристики культуры восточнороманских народов. Для современной этнографии, имеющей тенденцию к междисциплинарным исследованиям, важно и то обстоятельство, что в Бухарестской социологической школе социологические идеи обогащали этнографию, которая в свою очередь обогащала социологию.

³⁶ *Focșa G.* Etape succesive în elaborarea tematicii. Muzeului satului. Muzeul satului. Studii și cercetări. București, 1970, p. 8—10, 12; *Vulcănescu R., Gusti D.*: Fundațiunea Muzeului Satului.— Bull. UNESCO, 1980, № 3.

³⁷ Молдаване. Кишинев: Штиинца, 1977.